

# Хронология и пространственное распределение памятников зайсановской культурной традиции в Приморье в контексте природных изменений

**Ю.Е. Вострецов,**

доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

В статье представлен эволюционный взгляд на расселение ранних земледельцев — носителей зайсановской культурной традиции — на территории Приморья как на многолинейный процесс. Предлагается для обсуждения рабочая схема расселения различных культурных групп ранних земледельцев, в которой этот процесс связан с природными изменениями в континентальных и приморских районах.

**Ключевые слова:** ранние земледельцы, зайсановская культурная традиция, система расселения, культурная адаптация, Приморье, Восточная Азия.

## CHRONOLOGY AND SPATIAL DISTRIBUTION OF SITES OF ZAISANOVSKAYA CULTURAL TRADITION IN PRIMORYE REGION IN CONTEXT OF CHANGES OF NATURAL CONDITIONS

**Yu.E. Vostretsov,** Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia

The paper suggests evolutionary view at the settlement of early farmers — people of Zaisanovskaya cultural tradition in the territory of Primorye Region as multiple line process. A working scheme of settlement of different cultural groups of early farmers in connection with changes of natural conditions in continental and maritime areas is suggested for discussion.

**Key words:** Early farmers, Zaisanovskaya cultural tradition, settlement system, cultural adaptation, Primorye Region, East Asia.

## ВВЕДЕНИЕ

Эволюционная парадигма постепенно овладевает умами археологов и культурных антропологов. В этом ракурсе, в отличие от культурно-исторического подхода, конкретные события приобретают несколько иной смысл, также как и их причины, следствия и связи между ними.

В результате исторические процессы представляются в другом, более сложном по характеру виде, как минимум не однолинейном.

В этой связи интересно рассмотреть хронологию и распространение памятников зайсановской культурной традиции (далее — ЗКТ) в Приморье (Вострецов, Загорулько, 1998; Вострецов, 2005) в эволюционной парадигме, используя экологический подход, в контексте расселения земледельцев в Восточной Азии и конкретно в Маньчжурии и Приморье. Напомним, что археологи, работающие в культурно-исторической парадигме, традиционно объединяют эти памятники понятием «зайсановская археологическая культура» (Андреев, 1957; Андреева, 1977; Окладников, 1964; Дьяков, 1992; Крутых, Коломиец, 2010; Крутых, 2012) или «зайсановская археологическая общность» (Яншина, Ключев, 2005). К эволюционному взгляду на процессы расселения ранних земледельцев ЗКТ подводит несколько причин:

1. На сегодняшний день наблюдается несколько разновременных групп памятников ЗКТ, не связанных между собой ни в пространстве, ни во времени. Они располагаются в районах, имеющих различные экологические характеристики и представляющих собой разные ресурсные базы древнего населения. Именно поэтому, учитывая современную степень изученности памятников, предлагается использовать для них термин «зайсановская культурная традиция» (Вострецов, Загорулько, 1998; Вострецов, 2005). Понятие «традиция» предполагает наличие какой-то общей основы существовавшей за пределами этих памятников.

2. Все памятники ЗКТ существовали слишком продолжительный отрезок времени (от 5300 до 3300 лет назад), чтобы можно было считать это одной «зайсановской археологической культурой».

3. Имеющиеся датировки отдельных локальных групп памятников ограничиваются относительно короткими, дискретными периодами времени, существенно короче чем, весь период существования ЗКТ. Это позволяет предполагать существование периодов запустения отдельных районов до и/или после обитания носителей локальных групп, что в свою очередь подразумевает существование миграционных процессов в этих районах, а не только эволюцию пришельцев в конкретных местах.

4. Керамические традиции отдельных групп памятников заметно различаются. Объединяющими являются приёмы орнаментации, такие как зигзаги, сетки, геометрические орнаменты, характерные не только для Приморья, но и для Маньчжурии (Дунбэя) и Корейского полуострова этого времени.

5. У представителей разных групп памятников, занимавших последовательно один и тот же район, есть отличия в использовании видов каменного сырья для изготовления орудий и наборах самих орудий. Это указывает на отсутствие преемственности между населением этих групп.

6. Время появления или исчезновения памятников той или иной группы памятников ЗКТ часто совпадает с определённой климатической фазой, что указывает на взаимосвязь между природными и социальными событиями.

Таким образом, становится очевидным, что при взгляде на эволюцию населения ЗКТ как на однолинейный процесс построить удовлетворительную хронологическую схему расселения земледельцев носителей ЗКТ не представляется возможным. Кроме того, все ранее предпринимавшиеся другими авторами попытки создания хронологических схем (или периодизаций) были однолинейными и мало связанными с материалами соседнего Дунбэя и Корейского полуострова.

Между тем все имеющиеся археологические данные свидетельствуют о единой исторической судьбе народов, населявших территорию Дунбэя и Приморья. Разными авторами делались выводы о существовании «зайсановской неолитической общности» в неолите Приморья (Клюев, Яншина, 2005) или «южноманьчжурской неолитической общности» (Алкин, 2002, 2007), которые, на наш взгляд, адекватно описывают ситуацию в регионе. На территории Приморья и частично на Корейском полуострове появление памятников, близких ЗКТ, связано с расселением земледельческого населения с территории Дунбэя. В результате этого продвижения произошла замена керамических традиций: штампованная орнаментация керамики (comb-marked) изменяется на прочерченную орнаментацию (incised-marked). В конце атлантического периода и переходе к суббореальному периоду голоцена на территории Приморья и Приамурья культуры мальшевского-бойсманского круга с присваивающими экономиками постепенно заменяются памятниками ЗКТ ранних земледельцев. Орнаментальные мотивы и система расселения ЗКТ указывает на взаимосвязь с земледельческими памятниками Дунбэя, где в керамике различных групп доминируют вертикальный и горизонтальный зигзаги, выполненные разными способами, сетчатые орнаменты, меандры, треугольники, верёвочные орнаменты. Земледельческая практика начинается в юго-западной части Дунбэя несколькими тысячелетиями ранее (около 8000 л.н.), и приходит она из Северного Китая, где прослеживаются некоторые аналогичные орнаментальные мотивы, около 10 000 л.н. Чжао Биньфу предпринял глубокое культурно-историческое исследование неолита Северо-Восточного Китая, где предварительно выделил три разных этапа и семь периодов, представленных 30 археологическими культурами и отдельными значимыми памятниками неолита, которые имели пространственно-временные связи и существовали в 11 культурных районах (Чжао Биньфу, 2003). Отметим, что все эти районы имеют выраженную экологическую специфику (Мурзаев, 1955). Согласно Чжао Биньфу, группы неолитического населения продвигались в конкретные районы, где приобретали определённую культурную специфику, обозначаемую как культуру или культурную группу. Через какое-то время археологические следы этой группы исчезают или смешиваются с новой пришедшей группой, которая также эволюционирует в этом месте. Таким образом, в каждом районе на протяжении всего неолита отмечается своё локальное культурное своеобразие, которое обусловлено, прежде всего, адаптацией к местным природным условиям. На наш взгляд, перемены

в культуре, отмечаемые Чжао Биньфу, часто совпадают с ландшафтно-климатическими изменениями. Логично предположить, что подобные процессы имели место и в континентальной, и приморской зоне Приморья, где выделяются несколько районов с выраженной экологической спецификой.

Исходя из вышесказанного, при построении хронологической схемы памятников ЗКТ мы будем исходить из того, что основным фактором формирования культурного разнообразия является разнообразие природной среды и её изменения как ресурсной базы сообществ. Эти факторы обуславливают экономическое и социокультурное и в целом адаптивное поведение населения и формируют черты материальной и духовной культуры населения, фиксируемые археологически.

### ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ЗАЙСАНОВСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ

При построении данной хронологии привлекался максимум данных, в том числе и мало представительных, которые рассматривались как маркеры адаптивного поведения населения независимо от их количественного характера. Также учитывалось разнообразие в артефактах, рассмотренных через призму экологического и экономического поведения, механизмы действия культурной традиции землепользования земледельцев и новые стратиграфические наблюдения. Исходя из этого, некоторые заключения могут оказаться только вероятностными и гипотетическими, потому что хронология изначально создавалась исключительно как **рабочая схема**, предназначенная для демонстрации возможности нелинейного видения культурно-исторического процесса и выявления вопросов и противоречий, которые неизбежно возникают при рассмотрении предыдущих периодизаций.

В предлагаемой реконструкции используется несколько допущений. Во-первых, допускается существование разновременных волн расселения ранних земледельцев, стимулированных как природными, так и социальными факторами, и впоследствии — локальная эволюция культурных традиций пришельцев на местах расселения. Во-вторых, не исключается вероятность, что движение мигрантов происходило из различных мест. В-третьих, предполагается, что эти процессы проявляли себя не одинаково в континентальной и приморской зонах под воздействием разнообразных природных факторов на разных климатических фазах изучаемого периода. В-четвёртых, различные локальные группы населения ЗКТ сосуществовали в различных экономических районах. В-пятых, были периоды запустения территорий в тех или иных отдельных экономических районах между периодами существования различных локально-хронологических групп населения ЗКТ. В-шестых, мы допускаем, что адаптивная реакция на похолодание климата, выраженная в миграции земледельцев из

континентальных районов на морское побережье в условиях Восточной Азии, может быть универсальной (подробно см.: Вострецов, 2010; 2013). Таким образом, культурно-исторический процесс не рассматривается на территории Приморья как непрерывный и однолинейный.

Основной задачей настоящей работы с учётом фрагментарности имеющейся информации является предварительное выделение нескольких локально-временных групп ЗКТ и синхронизация их с известными фазами и интервалами природных изменений.

Исходя из географических условий, можно предположить три возможных пути распространения зайсаноидного населения на территории Приморья (Ху Ю-лин, 1995: 80), из которых на археологическом материале прослеживаются только два — через долину р. Туманной (Туманган) и долины рек Раздольной (Суйфун) и Мулинхэ. Третий путь, от долины р. Амноккан через перевал и далее по морскому побережью провинции Северный Хамгён (КНДР) в район устья р. Туманной и залива Петра Великого, прослеживается археологически только до перевала в горах севера Корейского полуострова.

В конце атлантического периода голоцена, в интервале 5400—5200 л.н. климатической фазы похолодания, наблюдается самый ранний этап проникновения зайсаноидных групп земледельческого населения в континентальные районы Западного Приморья. Для этого этапа по археологическим данным можно предположить только один путь проникновения (рис. 1).

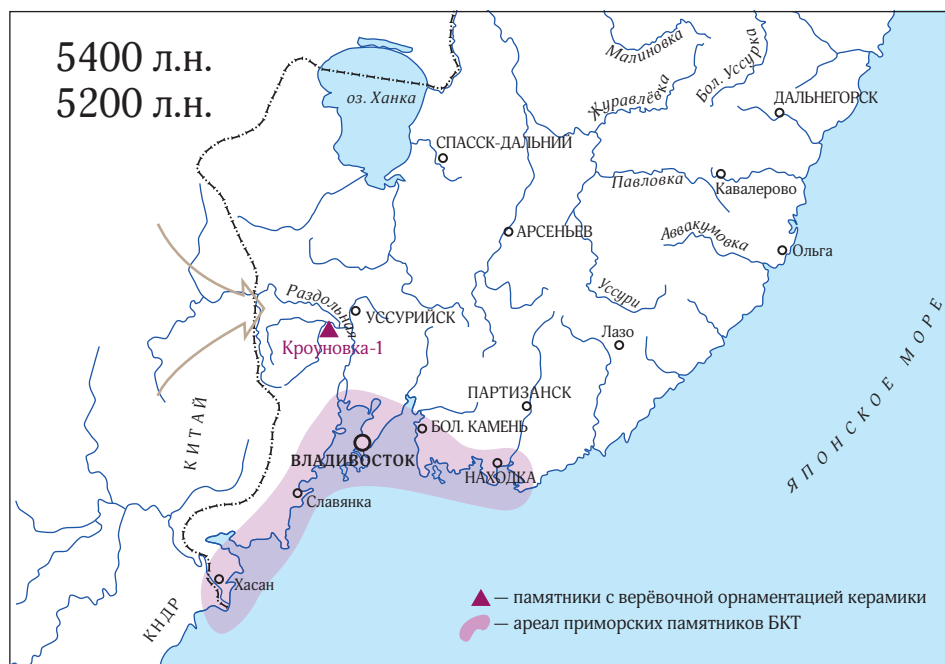


Рис. 1. Распределение памятников зайсановской культурной традиции и бойсманской культурной традиции в конце атлантического периода голоцена в интервале 5400—5200 л.н.

Первая волна расселения могла проходить по долине р. Раздольной (Суйфун) (рис. 1). На правом берегу р. Кроуновки (притока реки Раздольной, в среднем его течении) известно многослойное поселение Кроуновка-1. На памятнике планиграфически выявлено два разновременных культурных комплекса, связанных с зайсановской культурной традицией. Поздний комплекс исследован в южной части памятника А.П. Окладниковым в 1957 г. (Окладников, Бродянский, 1969). Ранний комплекс исследован в другой, северной части памятника Ю.Е. Вострецовым в 1984, 2002—2003 гг. (Вострецов, Сергушева и др., 2003; Вострецов, Гельман и др., 2003; Krounovka 1 Site ..., 2004). В нем стратиграфически выделено четыре горизонта обитания — этапы заселения. Орнамент керамического комплекса всех этапов включает верёвочные оттиски. Поскольку они являются одним из самых отличительных признаков этого комплекса, группа памятников типа Кроуновка-1 с такой керамикой была названа **памятниками с традицией верёвочной орнаментации керамики**. Некалиброванные радиоуглеродные даты первого этапа заселения получены по углю из очага —  $5290 \pm 50$  л.н. (Beta-182031) и  $5180 \pm 50$  л.н. (Beta-182032) — и фрагментов угля от остатков разрушенного деревянного строения —  $5260 \pm 33$  л.н. (NUTA2-5486). Все даты синхронны интервалу похолодания климата. Ближайший археологический источник расселения — это долина р. Муданьцзян, где известен памятник Ябули, расположенный в аналогичных ландшафтных условиях, что и памятник Кроуновка-1.

Интервал 5000—4700 л.н. характеризуется концом потепления в атлантическом периоде и началом похолодания климата при переходе к суббореальному периоду голоцена. Население верёвочной традиции в этот период продолжает существовать в данном экономическом районе, по крайней мере на поселении Кроуновка-1 (Krounovka 1 Site ..., 2004). В других местах долины р. Кроуновка это пока не подтверждается прямо датруемыми отложениями. В это же время на западном побережье залива Петра Великого в бухте Бойсмана продолжает существовать бойсманское население пятого этапа, оставившее «верхнюю часть раковинной кучи и погребённый дёрн между раковинной кучей и зайсановским слоем» (Морева, 2005: 7) с верёвочной керамикой в нижней части зайсановского слоя. В орнаменте пятого этапа бойсманской культурной традиции на памятнике Бойсмана-1 О.Л. Морева находит прямые аналогии с керамикой «раннезайсановского локально-хронологического варианта зайсановской культуры» (Морева, 2003: 174, 175), то, что мы называем памятниками типа Кроуновка-1 с верёвочной орнаментацией керамики. Другой памятник пятого этапа бойсманской культурной традиции располагался на палеострове Клерка в восточной части бухты Бойсмана. На поселении Клерк-5 этот этап связан со слоем «дресвы», датруемый  $4745 \pm 40$  (ТКа-14079). В силу того что рыболовы-охотники бойсманцы и ранние земледельцы с традицией верёвочной орнаментации керамики сосуществовали в разных, но близко расположенных экономических районах в течение нескольких столетий, вероятно, уже тогда могло начаться

расселение этих групп вдоль побережья Восточного Приморья и культурные контакты с остатками бойсманского населения или иного населения малышейкого типа с традицией гребенчатой керамики (рис. 1).

Интервалу 4700—4200 л.н. синхронны второй и третий этапы заселения памятника Кроуновка-1. согласно датам, полученным по углю из очага в жилище № 4 — 4790±40 (Beta-180131) — и около очажного пространства — 4640±40 (Beta-171662). Данная фаза характеризуется интенсивным похолоданием, связанным с изменением погодных условий, иссушением климата, чередующимися засухами и катастрофическими разливами рек, сокращением вегетационного периода, непредсказуемостью времени сева. Пик негативных для земледельцев изменений климата пришёл на интервал 4600—4300 л.н. Из-за похолодания часть населения с традицией верёвочной керамики в поисках более надёжных агроклиматических условий расселилась из континентальных районов Приморья, включая долину р. Кроуновка (поселение Кроуновка-1), на побережье залива Петра Великого, т.е. в другой экономический район (рис. 2). Мигранты часто оставались в тех местах, где до этого жило население бойсманской культурной традиции, исчезнувшее в результате похолодания климата, сопряженного с падением уровня моря и разрушением привычной ресурсной базы. Аналогичная керамика с верёвочной орнаментацией известна на памятнике Рыбак-1 (нижний слой) (Гарковик, 2003) в Славянском заливе, на поселениях Бойсмана-2 (средний слой) (Морева, Попов и др., 2002),

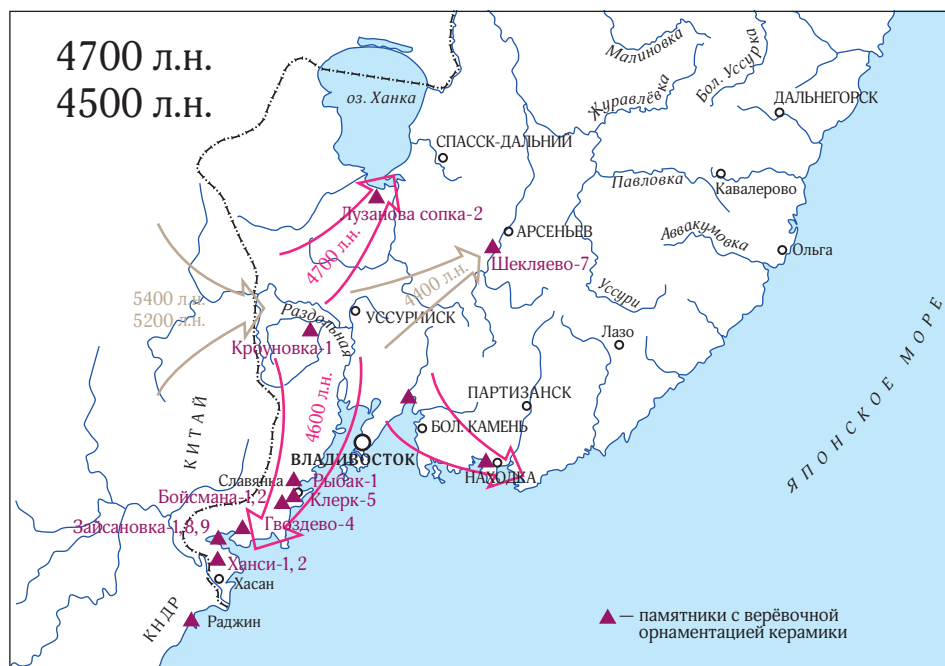


Рис. 2. Распределение памятников зайсановской культурной традиции в первой половине переходного периода от атлантика к суббореалу голоцена в интервале 4700—4500 л.н.

Бойсмана-1 и Клерк-5 в бухте Бойсмана, поселении Гвоздево-3 (Батаршев, Попов и др., 2003; Археологические памятники ..., 2014: 331—337). На поселении Клерк-5 отложения с «верёвочной» керамикой датируются  $4635 \pm 40$  (ТКа-14080) и  $4575 \pm 45$  (ТКа-14077) л.н. (Klerk 5 Site ..., 2007). Отдельные фрагменты, связанные с данным комплексом, известны из подъёмных материалов на памятниках Зайсановка-9 (Морева, Попов и др., 2002: 66), Зайсановка-1, 7, 8, Посъет-1, Ханси-1, 2, в районе Краскинского городища, а также поселении Сибирякова-1 (остров Сибирякова), Раджин в Северном Хамгёне (КНДР). Отсутствие радиоуглеродных дат для прибрежных памятников данной группы отчасти компенсируется стратиграфическими наблюдениями, сделанными исследователями. Весь комплекс керамики с верёвочной орнаментацией на памятнике Бойсмана-2 найден именно в нижней части слоя коричневой щебнистой супеси над бойсманскими слоями и ниже более поздних — зайсановских (по О.Л. Моревой — хасанского типа) (Морева, Попов и др., 2002: 65).

Другое направление расселения демонстрирует памятник Лузанова Сопка-2 (рис. 2). Там наблюдается аналогичная стратиграфическая ситуация, которая может рассматриваться как датирующая, отличие только в следующем: если ориентироваться на описание автора, то данная керамика находилась «на контакте слоёв 2 и 3», а слой 3 представлял собой «плотный, светло-коричневый щебнистый суглинок» (Попов, 2003: 183,185). Повышение концентрации щебня в отложениях соответствует такой климатической фазе похолодания, при которой замедляются процессы почвообразования и усиливается смыв почвенного слоя на склонах, увеличивая концентрацию тяжёлой фракции в отложениях. Понимание синхронности этого процесса в Приморье подкрепляет предыдущее предположение, что носители традиции верёвочной орнаментации керамики появились на южном побережье оз. Ханка в начале интервала похолодания 4800—4700 л.н., т.е., вероятно, чуть раньше, чем на морском побережье южного Приморья. Отчасти конкретизируют рубеж, после которого земледельческое население появилось на памятнике Лузанова Сопка-2, радиоуглеродные даты по нагару на мальшевско-бойсманской керамике —  $4900 \pm 50$  л.н. (МТС-16727) и  $4870 \pm 40$  л.н. (МТС-16728) (Kunikita et al., 2017). Кроме этого памятника наибольшую близость керамической традиции поселения Кроуновка-1 на южном побережье Приморья обнаруживают комплексы поселений Рыбак-1 и Клерк-5. С периодом похолодания их связывает локализация на песчаных косах, образовавшихся в начале данной климатической фазы похолодания в результате регрессии моря.

На пике похолодания климата прослеживается третье направление расселения в центральном Приморье (рис. 2). Результат продвижения ранних земледельцев ЗКТ, их симбиоз с бойсманцами четвёртого и пятого этапов бойсманской культурной традиции прослеживается около 4400 л.н. на памятнике Шекляево-7 в виде «гребенчатой керамики» и технологии плетения с помощью пряслиц (подробно см.: Морева,



Клюев, 2011). Исследователи отмечают увеличение во времени зайсановидных черт в «гребенчатой» керамике памятника. Авторы упоминают и другие памятники Приморья где, по их мнению, происходило смешение бойсманских и зайсановских керамических традиций с доминированием последних. Обращает внимание, что все они связаны с морским побережьем, что иллюстрирует поиск земледельцами устойчивой ресурсной базы в условиях похолодания климата. В случае с Шекляево-7 наблюдается, скорее всего, медленная инфильтрация земледельческого населения в среду континентальных охотников-собирателей, сопровождавшаяся культурным обменом и слабовыраженной ассимиляцией, а не волна расселения, как в случае Кроуновки-1 или Клерк-5.

Четвёртое направление расселения — это побережье Южного и Восточного Приморья (рис. 2). Верёвочная орнаментика встречена на побережье Южного Приморья на памятнике Кировское (Морева, Попов и др., 2002: 66; Морева, Батаршев и др., 2009) и на побережье Восточного Приморья на памятнике Валентин-перешеек. При этом обращает на себя внимание тот факт, что на перечисленных памятниках керамика с верёвочной орнаментацией присутствует в небольшом количестве. Это позволяет предполагать, что расселение её носителей было импульсивным и кратковременным, после чего традиция быстро угасла.

В интервале 4600—4400 л.н., когда экологические изменения, связанные с похолоданием климата, достигли своего пика, наблюдается ещё одно направление расселения, но уже из районов среднего течения р. Туманган (памятник Синчен) (Xingcheng ..., 2005). В районе залива Посьета появились памятники типа Зайсановка-7, Посьет-1 и, вероятно, Посьетский грот (нижний культурный горизонт), в керамических комплексах которых прослеживаются отголоски традиции верёвочной орнаментации керамики (рис. 3).

Поселение с раковинной кучей Зайсановка-7 (Гельман, Исакова и др., 2003) располагалось на вершине песчаной косы, сформировавшейся в устье р. Гладкой при понижении уровня моря в самом начале похолодания после окончания атлантического периода. Определено время по радиоуглеродным датам — 4750 л.н. (Beta-124174) и  $4811 \pm 63$  л.н. (NUTA2-4876) — при анализе раковин морских моллюсков. Также имеются даты, полученные по фрагментам ореха, —  $4440 \pm 31$  л.н. (NUTA2-5481), по углю —  $4480 \pm 33$  л.н. (NUTA2-5482) — и нагару на сосуде —  $4470 \pm 40$  л.н. (ТКа-13485), в дополнение к ним имеется ещё пять калиброванных дат в интервале 4500—4410 кал. л.н. (Beta-203969-203973) (Zaisanovka 7 site ..., 2005).

Памятники Зайсановка-7, Посьет-1 обладают сходной стратиграфией и составом раковинных отложений, характеризуются использованием одинакового сырья для каменного инвентаря, но имеют не вполне аналогичные керамические комплексы, что отражается в различиях форм сосудов и некоторых видов орнамента. При этом некоторые виды орнамента на поселении Зайсановка-7 выглядят как угасающие по сравнению



Рис. 3. Распределение памятников зайсановской культурной традиции во второй половине переходного периода от атлантика к суббореалу голоцена в интервале 4500—4300 л.н.

с таковыми на поселении Посъет-1. Это самые предварительные сравнения, так как из поселения Посъет-1 имеется небольшая коллекция керамики по сравнению с поселением Зайсановка-7. Указанные наблюдения позволяют предварительно выделить эти памятники в отдельную группу и назвать её **посъетской** (Вострецов, 2005).

Расположение поселений Зайсановка-8 и 9, где обнаружены фрагменты, близкие к традиции верёвочного орнамента, — в 300 м друг от друга, в 500 м от поселения Зайсановка-1 и в 2 км от поселения Зайсановка-7 — свидетельствует о вероятной одновременности их существования. Последнее обстоятельство позволяет предполагать не одновременное, но близкое по времени существование в одном экономическом районе двух ранних вариантов памятников ЗКТ.

Наблюдения за пространственным распределением памятников и вариативностью керамической традиции можно дополнить и стратиграфическими наблюдениями, полученными на многослойном памятнике Клерк-5. Там в отложениях «нижней части неолитической раковинной кучи», датировемых  $4585 \pm 45$  л.н. (ТКа-14076) (Klerk 5 site ..., 2007), присутствует небольшое количество керамики типа Зайсановка-7, залегающей над отложениями с керамикой с верёвочной орнаментацией (Вострецов, 2009). Надо отметить, что в монографии, посвящённой описанию раскопок янковских раковинных отложений на этом поселении, стратифицированные неолитические раковинные отложения обозначены

японскими коллегами как «Klerk shell midden» — «Клерковская раковинная куча», чтобы отличить их от раковинных отложений янковского времени (Klerk 5 site ..., 2007). Это создаёт путаницу, так как в неолитической раковинной куче выделяются нижняя, средняя и верхняя стратифицированные части и их поверхности, которые значительно различаются по датам, составу артефактов, экофактов и экологическим характеристикам. При этом только верхнюю часть неолитических раковинных отложений и её поверхность уверенно можно считать клерковской.

Судя по имеющимся датам и тенденциям изменения керамики, традиция верёвочной орнаментации керамики выглядит более ранней и более мощной. Посьетская группа памятников, вероятно, представляет собой результат эволюции населения с верёвочной традицией на местной основе при участии мигрантов из среднего течения р. Туманной (Туманган). Возможно, по мере исследования памятников в районе залива Посьета, можно будет произвести в **посьетской** группе более дробное деление.

По-видимому, названные группы памятников ЗКТ отражали две последовательных волны расселения популяций — носителей верёвочной традиции орнаментации керамики на территорию Приморья. Они связаны с климатическими фазами похолоданий в интервале 5400—5200 л.н. и начале интервала 4700—4200 л.н. и проходили через долину р. Раздольной на оз. Ханка и вдоль западного побережья залива Петра Великого до Северного Хамгёна (КНДР) и побережья Восточного Приморья (рис. 3). Вероятно, по мере дальнейшего археологического изучения территории Приморья обнаружатся и чётко обозначатся другие волны и направления расселения носителей традиции верёвочной орнаментации керамики в рамках ЗКТ. Третья волна расселения, проходившая на пике похолодания и падения уровня моря, приведшая к формированию посьетской группы ЗКТ, происходила из среднего течения р. Туманной и, судя по ограниченному ареалу, была маломощной.

На юго-восточном побережье Приморья в интервале 4900—4200 л.н. появилась **валентиновская группа памятников**. Интервал соответствует климатической фазе похолодания климата. Эта группа сформировалась в иной экологической ситуации, соответствующей отдельному экономическому району. Юго-восточное и восточное побережье является своеобразным районом-изолятом, отделённым Сихотэ-Алинским хребтом от континентального Приморья, где надолго «консервировались» проникшие туда различные культурные группы населения. Такой группе принадлежит нижний слой памятника Валентин-перешеек, по которому получены четыре радиоуглеродные даты в диапазоне от 4900 до 4320 л.н. (Валентин-перешеек ..., 1987). Взаиморасположение и наличие различных жилищ в нижнем слое памятника свидетельствуют о значительной длительности его формирования, что отчасти объясняет разброс дат. Исследователи этого памятника предполагали, что эта традиция возникла на местной основе под влиянием населения зайсановской культурной традиции (Андреева и др., 1987). Позже О.Л. Морева обращала внимание на

сходство орнаментации сосудов пятого этапа существования бойсманской культурной традиции, датируемого около 4900—4800 л.н. (Морева, 2005: 7), с некоторыми валентиновскими (Морева, устное сообщение автору). Вероятно, в начале похолодания происходило повторное сужение (после интервала 5400—5200 л.н.) ресурсной базы бойсманского населения, что привело к трансформации черт культуры, в том числе и керамической традиции, и расселению в благоприятные районы. Аналогичные валентиновским орнаментальные мотивы недавно обнаружены южнее, на памятнике Волчанец-1. Памятник, судя по датам по углю, функционировал в интервале 4720—4290 л.н. на песчаной косе атлантического времени в палеолагуне устья р. Волчанки залива Восток. Можно предположить, что начало традиции валентиновской группы было положено расселением «бойсманцев» пятого этапа вдоль юго-восточного и восточного побережья Приморья, где она эволюционировала под влиянием последующих волн расселения и/или спорадической инфильтрации зайсановцев. В пользу этого наблюдения свидетельствует использование валентиновцами пряслиц. Точка зрения автора этой статьи только детализирует ранее высказанное мнение. К валентиновской группе относятся также памятники Тюлений, Промежуточная, Солонец и Гузево-2, расположенные в бухте Евстафия, которые были обнаружены и обследованы А.В. Гарковик (Гарковик, Кононенко, 1996).

Следующий период экспансии земледельцев ЗКТ хронологически совпадает с климатической фазой в интервале 4200—3700 л.н., когда происходило активное потепление климата, сопряжённое с трансгрессией Японского моря, регрессией оз. Ханка, активным почвообразованием. Эта фаза характеризуется установлением максимально благоприятных условий для жизни человека как на побережье, так и в континентальных районах. Хронологическое распределение различных вариантов ЗКТ этого времени достаточно проблематично. Трудности обусловлены, с одной стороны, уровнем имеющейся информации (недостаток дат и подробных публикаций материалов памятников), а, с другой стороны, накопившимся к этому времени разнообразием вариантов ЗКТ в Приморье, что затрудняет типологическую и стратиграфическую идентификацию новых. Специфика изучения процессов этого интервала заключалась в том, что пришельцы «наслаивались» на родственным им земледельцев — «зайсановцев», уже не так резко отличающихся по адаптивной стратегии и материальной культуре от рыболовов-охотников-собирателей бойсманцев и близких им в культурном отношении групп населения. Последние процессы, безусловно, оставляли менее заметные следы в археологическом контексте. Это обстоятельство является одним из факторов, склоняющих исследователей к построению линейных схем.

Для фазы активного потепления климата 4200—3700 л.н. мы можем надёжно выделить несколько групп памятников ЗКТ (рис. 4).

Две волны расселения проходили в интервале 4200—3700 л.н. Они очень близки во времени и надёжно не разделяются археологически

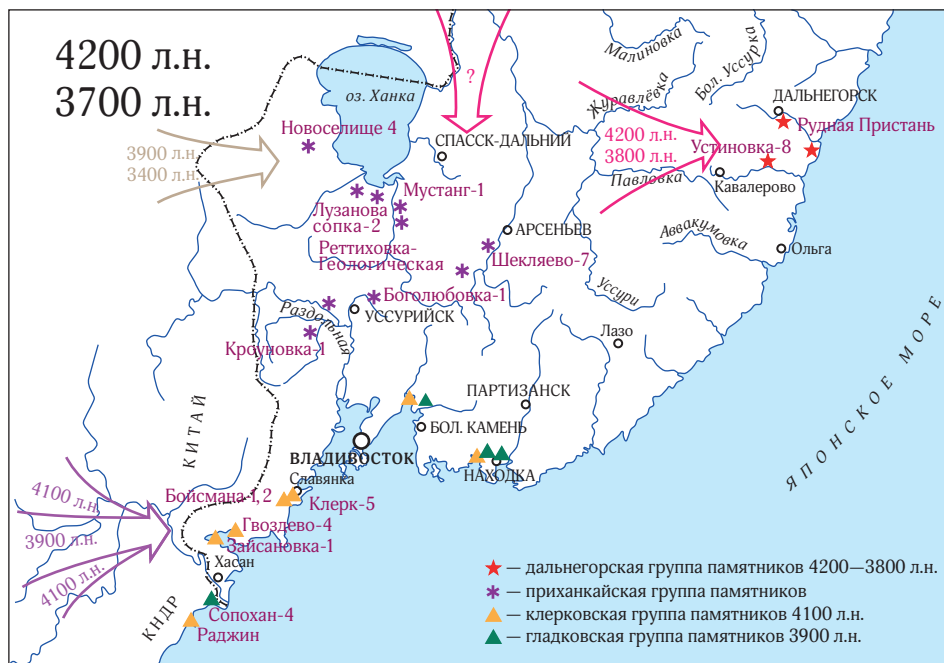


Рис. 4. Распределение памятников зайсановской культурной традиции в начале суббореального периода голоцена в интервале 4200—3700 л.н.

(стратиграфически), поэтому расстановка их во времени — дело будущего. На сегодняшний день мы предварительно формулируем эти последовательные волны расселения как клерковскую и гладковскую. Напротив, О.Л. Морева на основании анализа гончарной традиции объединяет все памятники в один «хасанский локально-хронологический вариант зайсановской археологической культуры» (Морева, Батаршев и др., 2009). По её мнению, различия в керамике памятников хасанского локально-хронологического варианта объясняются тем, что гончарная традиция видоизменялась, приобретая одни характеристики и утрачивая другие. В результате она предлагает делить хасанский вариант на три этапа: ранний — Гвоздево-4, Кировский, Олений-В, слой II, Клерк-5, Сопхохан, Синчен, и, возможно, Перевал, Булочка, У Дороги; средний — Зайсановка-1, Сишань; поздний — Бойсмана-1, Бойсмана-2 (подробно см: Морева, Батаршев и др., 2009). На наш взгляд, не противоречивым в этом построении выглядит то, что все памятники занимают один экономический район. Тем не менее мы попробуем рассмотреть расселение этих волн земледельцев в той последовательности, которая представляется более вероятной.

Пятая волна расселения прослеживается по стратиграфии относительно надёжно на памятнике Клерк-5, где отложения этого варианта залежали над посьетскими — типа Зайсановка-7. Клерковские отложения состояли из отложений верхней части стратифицированной неолитической

раковинной кучи и грунта над ней. В этих отложениях наблюдалась максимальная концентрация «клерковской» керамики, которую китайские коллеги называют «каплевидной», а О.Л. Морева «накольчатой» (Морева, Батаршев и др., 2009). Из верхней части неолитических раковинных отложений получена дата по углю —  $4125 \pm 40$  л.н. (ТКа-14075). Керамика значительно отличается от предшествующей посьетской, при этом обнаруживая сходство, вероятно, с последующей — **гладковской**. К клерковскому типу ошибочно причисляют и отложения нижней части неолитической раковинной кучи на памятнике Клерк-5, датируемые  $4586 \pm 45$  л.н. (ТКа-14076), т.е. на 500 лет раньше собственно клерковских, где найдены единичные фрагменты этой керамики. Она встречается только на части памятников «хасанского локально-хронологического варианта зайсановской археологической культуры». Клерковская керамика найдена в небольшом количестве на поселениях Зайсановка-1 (коллекции Г.И. Андреева), Олений-В, Кировское (Морева, Батаршев и др., 2009), Раджин в КНДР (Аримицу, 1962). На поселении Гвоздево-4 раскопано частично или полностью девять заглублённых жилищ, котлованы которых перекрывают друг друга (Попов, Батаршев, 2002; Археологические памятники ..., 2014: 337—346). Там из слоя коричневой супеси, соотносимого авторами с нижним горизонтом заселения памятника по раскопкам 2003 г., получена дата по нагару с фрагмента керамического сосуда —  $4130 \pm 40$  л.н. (АА-60612) (Археологические памятники ..., 2014: 346). Надо иметь в виду, что датировка по нагару может удревять дату на 400 лет, если нагар состоял из остатков морской пищи. Тогда дата, с учётом морского резервуарного эффекта, может быть около 3700 л.н. По результатам последних раскопок на памятнике авторы выделяют «два горизонта заселения памятника», керамику которых объединяют в одну традицию — хасанскую, которую мы, в свою очередь, разделяем на клерковскую и гладковскую. На наш взгляд, исходя из небольшой площади памятника и количества котлованов сооружений, которые врезаются друг в друга, горизонтов заселения должно быть больше. Поселение Гвоздево-4 располагалось на противоположном берегу, в кутовой части той же палеолагуны р. Гладкой, что и поселения Зайсановка-1 и 7. Население этой группы, в отличие от предшественников-посьетцев, использовало в большом количестве обсидиан, происходящий из вулкана Пектусан, который находится в верхнем течении р. Туманной (Туманган). Близкие аналогии в керамической традиции и каменной индустрии найдены в неолитических отложениях многослойного памятника Синчен, расположенного на одном из левых притоков среднего течения р. Туманной (Xingcheng ..., 2005). Верхние слои неолитических отложений этого памятника датируются  $4800 \pm 140$  и  $4650 \pm 150$  л.н. и, таким образом, приходятся на начало и середину интервала похолодания климата. На памятнике наблюдается большая скученность котлованов жилищ, но в то же время выделяются только два этапа заселения памятника в неолите (Xingcheng ..., 2005), хотя, очевидно, этапов заселения должно быть больше. В Синчене присутствуют орнаменты типа Зайсановка-7,

Зайсановка-1 и Клерк-5. Очевидно, что население, оставившее клерковскую группу памятников, расселилось из районов среднего течения р. Туманной, когда похолодание начало резко усиливаться, в прибрежную зону западной части залива Петра Великого, вероятно, вплоть до устья р. Артёмовки (Майхэ), и заняло однородный экономический район (рис. 4).

В качестве основного памятника **гладковского** варианта ЗКТ, который отражает шестую волну расселения земледельцев, следует, на наш взгляд, рассматривать поселение Зайсановка-1 (Андреев, 1957), датируемое по ореховой скорлупе из заполнения котлована жилища-1 ( $4010 \pm 44$  л.н. (NUTA2-5282) и  $3972 \pm 31$  л.н. (NUTA2-5483))<sup>1</sup> (Вострецов, Беседнов и др., 2001). Керамические материалы гладковского варианта ЗКТ известны также на памятнике Гвоздево-4 в долине р. Гладкой (Попов, Батаршев, 2002; Археологические памятники ..., 2014: 346). По мнению О.В. Яншиной, материал этого варианта зайсановской культурной традиции встречен на многослойных памятниках Перевал, Булочка, Под Липами ( $3915 \pm 50$  л.н. СОАН-1539;  $3635 \pm 30$  л.н. СОАН-1532), Сопка Большая, Кировское (Яншина, 2003), Олений-А (слой II), в окрестностях АртёмГРЭС (Бродянский, 1987: 34—37). К этой же группе следует относить материалы памятника Сопхохан (слой 4), а также стоянки Цзингушуйкусишань (или сокращённо Сишань) (Ли Цзян 1994; Гельман, Вострецов, 2008; см. подробно: Морева, Батаршев, и др., 2009). Появление указанной группы памятников, вероятно, связано с расселением через долину р. Туманной (Туманган). Об этом косвенно свидетельствует большое количество используемого обсидиана, происходящего из вулкана Пектусан в истоках р. Туманной. Ближайшей аналогией с точки зрения традиции орнамента керамики является поселение Помый-кусок, расположенное в среднем течении р. Туманной. Нужно отметить, что предшественники гладковского варианта ЗКТ в этом районе — обитатели поселений Зайсановка-7 и Посьет-1 — мало применяли обсидиан, имевший пектусанское или местное происхождение. Также они использовали другое сырьё для производства каменных изделий, и набор орудий, имевших отношение к земледелию, и состав культивируемых злаков различался; всё это указывает на отсутствие преемственности между гладковским населением и их предшественниками на побережье. Кроме того, гладковцы не селились собственно на месте памятника Зайсановка-7, так как во время существования Засановки-1 произошли ландшафтные изменения, вызванные подъёмом уровня моря, которые вынудили людей селиться южнее — на стыке песчаной косы с мысовидными отрогами сопки, окружающими палеолагуну.

Все гладковские памятники расположены на побережье залива Петра Великого и связаны единым экономическим районом. Судя по обилию и широкому распространению археологических свидетельств, это была мощная миграция земледельцев на побережье из районов среднего

<sup>1</sup> Раскопки Ю.Е. Вострецова 1998, 2000 гг.

течения р. Туманной, которая была стимулирована максимальным действием негативных для земледельцев факторов среды и сложностью адаптации в этих условиях в пределах континентальных районов.

Необходимо отдельно рассмотреть взаимоотношение клерковской волны расселения с последующей гладковской. Обращает на себя внимание большое сходство орнаментальных мотивов керамики обеих групп (наличие и сочетание прочерченного вертикального зигзага и зубчато-гребенчатых оттисков, расположение орнамента не только в горизонтальных, но и в вертикальных зонах, в треугольниках и др.). При этом на фоне большого сходства очевидны и отличия в качестве черепка, грубости или небрежности нанесения аналогичного орнамента на клерковской керамике, а главное — преимущественное использование в ней слегка протянутых зубчато-гребенчатых оттисков. В то время как для керамики поселения Зайсановка-1 наиболее характерной чертой является доминирование прочерченного орнамента в целом и вертикального зигзага в частности. Имеющиеся даты по углю также свидетельствуют о том, что поселение Клерк-5 (верхняя часть неолитических раковинных отложений) существовало несколько раньше поселения Зайсановка-1 (гладковский слой-жилище). Кроме того, на поселении Зайсановка-1 в заполнении жилища, где отложения выглядят непотревоженными, не обнаружено клерковской керамики. Хотя в плохо стратифицированных отложениях за пределами котлована жилища встречаются обе традиции. На других памятниках «хасанского локально-хронологического варианта зайсановской археологической культуры» соотношение клерковского и гладковского компонентов варьирует (Морева, Батаршев и др., 2009). Эти наблюдения в пользу разделения гладковской и клерковской керамической традиции. Кроме того, на памятниках Бойсмана-1 и Бойсмана-2, расположенных вблизи памятника Клерк-5 и относимых О.Л. Моревой к поздней стадии хасанского варианта, датированного  $3710 \pm 40$  л.н. (Попов, Чикишева, Шпакова, 1997), собственно клерковская керамика представлена единичными образцами (Морева, Батаршев и др., 2009: 79). На памятнике Бойсмана-2 «хасанская» (по О.Л. Моревой) керамика залегает над верёвочной типа Кроуновка-1 и Клерк-5. Пестрота встречаемости клерковской керамики позволяет предположить вероятность сосуществования двух близких культурных групп носителей клерковской и гладковской гончарной традиции в системе социальных связей. Причём первая появляется раньше, по крайней мере на памятнике Клерк-5, и постепенно затухает. Вот почему мы наблюдаем в заполнении жилища на памятнике Зайсановка-1 только гладковскую керамику. Очевидно, что обе традиции берут свои истоки в среднем течении р. Туманной, но из разных и, вероятно, разновременных памятников. Возможно, истоки населения носителей клерковской керамики следует искать западнее, за пределами памятников Синчен и Шишань. Складывается впечатление, что клерковская волна расселения групп земледельцев существенно уступала по времени, мощности и площади распространения гладковской. На наш взгляд, различие



в интенсивности расселения можно отчасти объяснить, кроме возможных разнообразных социальных факторов, различиями в климатических фазах, в которых оно осуществлялось. Судя по имеющимся датам, расселение клерковцев происходило во время пика похолодания климата и регрессии моря. Эта ухудшающаяся и нестабильная природная обстановка безусловно ограничивала адаптивные возможности населения в освоении новых экономических районов так, что оно не достигло адаптивного успеха в меняющихся в худшую сторону природных условиях.

Скорее всего, гладковская волна расселения состояла из нескольких очень близких по времени и культурным признакам волн, которые мы не способны проследить стратиграфически и разделить типологически. Именно они обеспечивали постоянный приток крупного пектусановского обсидиана и разнообразие керамической традиции «хасанского варианта зайсановской археологической культуры».

На фазе потепления климата на восточном побережье Приморья в районе устьев рек Зеркальной (Тадуши) и Рудной существовала другая локальная группа памятников ЗКТ, представленная поздненеолитическим комплексом поселения Рудная Пристань, местонахождением Зеркальное-2 и поздненеолитическим слоем поселения Устиновка-8 (рис. 4). Эта группа памятников, судя по датам, укладывается в интервал 4260—3760 л.н. (Дьяков, 1992: 131; Крупянко, Табарев, 2004: 52—54). Основной массив дат тяготеет к рубежу тысячелетий. Предлагаем назвать эту группу **дальнегорской**. Некоторые авторы обращают внимание на определённое сходство керамических традиций поздненеолитического слоя поселения Рудная Пристань с таковыми на поселении Валентин-перешеек (Андреева и др., 1987: 237). В этой ситуации, возможно, необходимо предварительно рассматривать эту группу памятников как результат ассимиляции охотников-рыболовов пришлыми ранними земледельцами. Данная волна расселения, судя по небольшому ареалу и небольшому разбросу дат, была импульсной и краткосрочной.

В континентальных районах по обрамлению оз. Ханка в тёплой климатической фазе (в интервале 3900—3400 л.н.) происходила новая волна расселения ранних земледельцев ЗКТ, оставившая **приханкайскую группу памятников** (рис. 4, 5). Она представлена поселениями Новоселище-4 (нижний слой) — 3840±70 л.н. и 3755±35 л.н. (Яншина, Клюев, 2005), Кроуновка-1 (раскопки А.П. Окладникова и Д.Л. Бродянского), Реттиховка-Геологическая (3880±45 л.н., 3390±55 л.н., 3310±45 л.н., 3610±80 л.н., 3240±85 л.н., 3400±100 л.н.) (Коломиец, Батаршев и др., 2002), Лузанова Сопка-2 (3905±40 л.н.), Мустанг-1 4660±60 л.н., 4050±70 л.н. (Гарковик, 1993), Анучино-14 (Клюев, Яншина, 2002), Боголюбовка-1 (3890±60 л.н.) (Гарковик, 2008), Шекляево-7, Алексей-Никольское-1, Синий Гай-А (нижний слой) и Синий Гай-Б (Яншина, Клюев, 2005), Лузанова Сопка-2 (Крутых, 2012). Эта группа выделена О.В. Яншиной по материалам, полученным А.П. Окладниковым из раскопок поздненеолитического слоя на поселении Кроуновка-1 (Яншина, 2001). Определение этой

группы памятников не вызывает споров среди исследователей, занимающихся поздним неолитом Приморья. Все памятники расположены в основном в континентальных районах по обрамлению оз. Ханка, в едином, с точки зрения земледелия, экономическом районе. Датировка укладывается в интервале 4000—3300 л.н. Выбиваются из этого интервала дата по памятнику Мустанг-1 (4600 л.н.) и две даты по Реттиховке-Геологической ( $3240 \pm 85$  л.н.,  $3310 \pm 45$  л.н.). Основной массив дат совпадает с тёплой климатической фазой и обрезается похолоданием климата в интервале 3400—3200 л.н. Трудно строить предположения относительно истоков этой группы памятников. Ясно, что они были иными, чем у клерковской и гладковской группы, так как отмечаются различия в используемом каменном сырье и технико-технологической специфике керамики (Яншина, Клюев, 2005). Очевидно, что эта группа памятников, вероятно, в начале сосуществовала во времени с **гладковской** группой, занимая при этом другую природную зону и, соответственно, экономический район. Из выше перечисленного можно сделать два предположения. Во-первых, что население приханкайской группы появилось чуть позже гладковской на фазе потепления климата и установления благоприятных условий для земледелия. Во-вторых, что истоки приханкайской группы были иными, чем у гладковской. Скорее всего, их следует искать к западу от основного ареала приханкайской группы памятников в водосборных бассейнах рек Муданьцзян и Верхняя Сунгари. Учитывая хронологическую протяжённость существования приханкайской группы памятников и имея в виду все имеющиеся даты и различия в керамике, отмеченные исследователями (Яншина, Клюев, 2005: 196; Крутых, 2012: 149), можно предположить, что земледельцы расселялись несколькими импульсами. В том числе и с севера — со стороны вознесенновской культуры (Яншина, Клюев, 2005: 198). Только за недостаточностью данных мы вынуждены все приханкайские памятники условно объединить в одну волну расселения. Нужно иметь в виду и длительный этап эволюции материальной культуры населения этой группы в данном экономическом районе.

Ещё одна группа памятников, близкая приханкайской по керамической традиции, существовала на побережье Юго-Восточного Приморья, т.е. в другом экономическом районе (рис. 5). Она представлена поселениями Евстафий-4, Сопка Большая (ранний комплекс) и, возможно, Олений-А (Бродянский, 1987). По мнению О.В. Яншиной, к ней принадлежат памятники Евстафий-4, Сопка Большая (Яншина, 2003; Клюев, Яншина, 2004; Яншина, Клюев, 2005), Под липами ( $3915 \pm 50$  л.н.,  $3635 \pm 30$  л.н.) (Окладников, Медведев, 1995: 608) и Булочка ( $3240 \pm 50$  л.н.) (Деревянко, Ким и др., 2004: 297). Эта группа — юго-восточный вариант приханкайской группы, который эволюционировал в процессе расселения его носителей на побережье Юго-Восточного Приморья. Будем, вслед за О.В. Яншиной, называть её **восточной группой приханкайских памятников**, что примерно соотносится с «юго-восточным вариантом зайсановской археологической культуры» (Крутых, 2012).

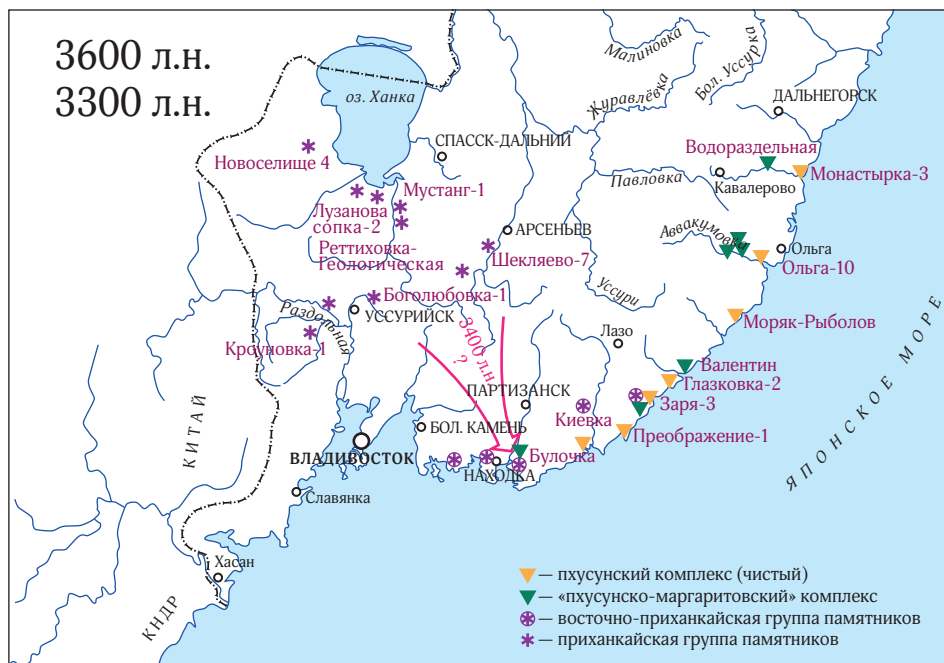


Рис. 5. Распределение памятников зайсановской культурной традиции в интервале 3600—3300 л.н.

Существуют причины для проведения разграничения собственно приханкайской традиции от традиции восточной группы приханкайских памятников. Первая из них связана с предположением существования экологических стимулов и временного интервала для процесса расселения из континентальных районов в прибрежные, т.е. в другой экономический район. Возможно, время, выбранное для расселения, и причины расселения связаны с какими-то экологическими изменениями. Вероятно, это расселение произошло после похолодания климата в интервале 3400—3200 л.н. (Короткий, Вострецов, 1998: 14, 27). Решение вопроса возможно только после уточнения хронологических позиций памятников восточной группы приханкайской традиции. Вторая причина связана с пониманием того, что в процессе расселения в прибрежные районы с иной ресурсной базой население столкнулось с необходимостью перестройки системы жизнеобеспечения для эксплуатации ресурсов, имеющих в ином, береговом экономическом районе. Подобные изменения неизбежно затрагивают весь образ жизни населения, поэтому они вряд ли могли произойти без серьёзных стимулов, среди которых первенство принадлежит экологическим. По всей видимости, можно рассматривать появление двух названных групп памятников ЗКТ как следствие формирования разных культурных адаптаций. Что касается хронологической последовательности существования памятников ЗКТ в береговой зоне Юго-Восточного Приморья, то, опираясь на известные даты и характер

расположения памятников, становится очевидным, что **восточная группа приханкайских памятников** в Юго-Восточном Приморье следует за **валентиновской**. Кроме того, учитывая фрагментарность доступной информации о памятниках, находящихся в устье р. Артёмовки (Майхе), можно предположить, что здесь восточно-приханкайские памятники (Олений-А) следуют за гладковскими (Под Липами, Кировское, Олений-В). В отношении выяснения последовательности появления «зайсановидных» групп населения в районе бухты Валентин перспективен для дальнейшей разработки факт существования двух различных вариантов ЗКТ, зафиксированный Д. Кассиди на памятнике Заря-3 (Cassidy, 2007). Выяснение культурной принадлежности этих вариантов ЗКТ — задача будущего, но это наблюдение отражает сложность процессов расселения земледельцев.

В конце тёплой климатической фазы и начале похолодания климата в интервале 3400—3200 л.н. в Восточном Приморье формируется ещё одна группа памятников — **пхусунская**, которую после долгих дебатов и результатов новых раскопок чистых комплексов отделили от «маргаритовской археологической культуры» (Батаршев, Дорофеева и др., 2011). К пхусунской группе относятся Глазковка-2 — 3605±70 л.н. (AA-3714), 3580±40 л.н. (UCR-3773), Преображение-1 — 3510±70 л.н. (Beta-172568) (Клюев, Яншина, 1997; Яншина, Клюев, 2005), Монастырка-3 — 3420±40 л.н. (ГИН-10220), 3340±40 л.н. (ГИН-10219) (Дьяков, Дьякова, Сидоренко, 2003), Ольга-10 — 3300±45 л.н. (СОАН-8365), 3515±65 л.н. (СОАН-8366), 3370±55 л.н. (СОАН-8367) (Батаршев, Дорофеева и др., 2011; Батаршев, Сергушева и др., 2015), Киевка, Заря-3. Таким образом, пхусунская группа памятников существовала в интервале 3600—3300 л.н. (рис. 5). На этих памятниках пхусунский комплекс встречен в чистом виде. Из этого интервала выбивается дата по углю — 4170±60 л.н. (2210±60 гг. до н.э.), полученная А.П. Окладниковым из раскопок в 1959 г. памятника Моряк-Рыболов-1 (Пхусун) со смешанным комплексом (Дьяков, 1989: 17; Дервянко, 1973). С этой культурной группой автор вслед за её первооткрывателями (Гарковик, 1967; Андреева, 1970) и последними исследователями (Батаршев, Сергушева и др., 2015; Сидоренко: см. в этом сборнике) связывает переход населения к эпохе бронзы, т.е. вхождение в новую эпоху палеометалла. Тем более что на сопредельных районах Маньчжурии в указанный период население уже вступило в эту эпоху (Чжао Биньфу, 2009). Кроме того, существует несколько памятников, где пхусунский комплекс сочетается с маргаритовским. В отношении этих памятников остаётся неясным, чем объясняется такое сочетание комплексов — культурной диффузией или невозможностью их стратиграфического разделения. Поэтому следует согласиться с предложением Е.В. Сидоренко пока сохранить понятие маргаритовской археологической культуры палеометалла как резерв для дальнейших реконструкций (см. статью Е.В. Сидоренко в этом сборнике). Кроме того, мы считаем более правильным назвать этот археологический феномен **пхусунским** как представленный чистыми комплексами.

Не понятны истоки пхусунской группы памятников и не известна неолитическая основа, на которую наслоились пришельцы (Батаршев, Сергушева и др., 2015: 252). Узкий диапазон дат и компактный экономический район указывают на то, что это было проникновение единой, скорее всего, небольшой группы населения, которая принесла свою культурную специфику. Подобная ситуация характерна для эпохи палеометалла (бронзы) для большей части Евразии, в том числе и Маньчжурии, когда в результате резкого увеличения динамики населения на смену археологическим культурам позднего неолита с обширными ареалами приходят мелкие локальные образования, характеризующиеся как «памятники типа...», происхождение которых трудно идентифицируется. Ещё одна сложность культурной идентификации объясняется тем, что восточное побережье Приморья представляет собой изолированную область, где население и его культурные маркеры консервируются, эволюционируют и сохраняются надолго, после того как они исчезают в нуклеарном ареале, оставшись археологически не замеченными.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬЮ ЗАСЕЛЕНИЯ ПРИМОРЬЯ НОСИТЕЛЯМИ ЗКТ

В результате представленного выше рассмотрения последовательности заселения различных экономических районов континентальной и береговой природных зон разными группами населения ЗКТ можно сделать некоторые предварительные выводы.

1. Расселение различных культурных групп ЗКТ в Приморье происходило с запада на восток, из континентальной зоны в береговую.

2. Наблюдается как минимум три района проникновения «зайсанодных» групп населения. Первый, и наиболее ранний, включает в себя долину р. Раздольной (Суйфун). Второй охватывает долину р. Туманной (Туманган). Предположительно существовал и третий район по обрамлению северо-западного побережья оз. Ханка.

3. В западных районах фиксируется наибольшее разнообразие культурных групп земледельцев ЗКТ и более надёжные культурные последовательности ЗКТ, что связано с большей археологической представительностью этих районов.

4. В целом с запада на восток уменьшается количество памятников ЗКТ и это, учитывая, что береговая зона изучена гораздо лучше, чем континентальная.

5. О непротиворечивости выделенных локально-хронологических групп памятников ЗКТ свидетельствует ещё одно наблюдение. С одной стороны, расположение локально-хронологических групп, в общем, совпадает с экономическими районами Приморья, а с другой, их существование совпадает с климатическими фазами голоцена.

6. Наблюдается некоторая связь между мощностью волны переселенцев и климатической фазой.

7. На тёплых климатических фазах расселение происходит в основном в широтном направлении в континентальных районах.

8. На фазах похолодания климата наблюдается расселение земледельцев ЗКТ из континентальных районов на морское побережье.

9. Прослеживаются культурные группы с ограниченным ареалом расселения, хронологическая позиция которых остаётся пока не определённой.

10. Имеющиеся даты и стратиграфические наблюдения указывают на вероятное существование периодов запустения территорий некоторых экономических районов между периодами заселения разными культурными группами ЗКТ.

11. В ходе расселения земледельцев наблюдаются как процессы культурной диффузии, так и простой оккупации незаселённых и/или мало заселённых районов.

Представленная хронологическая расстановка культурных групп памятников ЗКТ ещё достаточно схематична и предпринята для демонстрации возможностей эволюционного взгляда на процессы культурной адаптации неолитического населения на территории Приморья. Детализация картины — задача будущих исследований.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алкин С.В. 2002. *Неолит Южной Маньчжурии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Новосибирск.
- Алкин С.В. 2007. *Древние культуры Северо-Восточного Китая. Неолит Южной Маньчжурии.* Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- Андреев Г.И. 1957. Поселение Зайсановка-1 в Приморье. *Сов. археология.* № 2: 121—145.
- Андреева Ж.В. 1970. *Древнее Приморье (железный век).* М.: Наука.
- Андреева Ж.В. 1977. *Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век (I тысячелетие до н.э. — VIII в. н.э.).* М.: Наука.
- Андреева Ж.В., Гарковик А.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. 1987. *Валентинперешеек — посёлок древних рудокопов.* М.: Наука.
- Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2012—2013 гг.).* 2014. Тэджон: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея. Рус. яз., кор. яз.
- Батаршев С.В., Попов А.Н., Морева О.Л., Крутых Е.Б. 2003. Результаты археологического изучения неолитического памятника Гвоздево-3 на юге Приморского края. *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы международной конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточ. археол. экспедиции.* Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 61—65.
- Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л., Шаповалов Е.Ю. 2011. Пхусунский комплекс памятника Ольга-10 в Восточном Приморье: проблемы

- выделения и культурно-хронологической интерпретации. *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока*. Уссурийск: Изд-во УГПИ: 230—243.
- Батаршев С.В., Сергушева Е.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б. 2015. Маргаритовская археологическая культура в Приморье: продолжение дискуссии. *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития: Материалы регион. науч. конф. (Владивосток, 18—20 ноября 2013 г.)*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 225—255.
- Бродянский Д.Л. 1987. *Введение в дальневосточную археологию*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Вострецов Ю.Е. 1998. Археологические материалы поселений Заречье-1, Зайсановка-3, 4, Ханси-1, Бойсмана-1. *Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана*. Владивосток: ДВО РАН: 30—122.
- Вострецов Ю.Е., Загоруйко А.В. 1998. Место бойсманской археологической культуры в контексте развития неолита в северо-западной части бассейна Японского моря. *Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана*. Владивосток: ДВО РАН: 354—370.
- Вострецов Ю.Е., Беседнов Л.Н., Короткий А.М., Раков В.А. 2001. Изменение природной среды и эксплуатация морских ресурсов в заливе Петра Великого в среднем голоцене. *Человек в прибрежной зоне: опыт веков: Материалы междунар. науч. конф.* Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ: 41—43.
- Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М., Миямото К., Обата Х. 2003. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: неолитический комплекс поселения Кроуновка-1. *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 373—378.
- Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Бровко Д.В. 2003. Новые раскопки на поселении Кроуновка-1 в Приморье. *Археологические открытия 2003 года*. М.: Наука: 348—349.
- Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М., Миямото К., Обата Х. 2003. Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка-1 в Приморье. *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 86—93.
- Вострецов Ю.Е. 2005. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Владивосток: Дальнаука: 159—186.
- Вострецов Ю.Е. 2009. Раскопки многослойного поселения Клерк-5 в Приморье. *Археологические открытия 2006 года*. М.: Наука: 538—540.
- Вострецов Ю.Е. 2010. *Приморские охотники-собиратели и земледельцы бассейна Японского моря: адаптация и взаимодействие в среднем и позднем голоцене (6500—1800 лет назад): Автореф. дис. ... докт. ист. наук*. СПб.
- Вострецов Ю.Е. 2013. Экологические факторы формирования культурной динамики в прибрежной зоне Восточной Азии в эпоху палеометалла. *Вестн. ДВО РАН*. № 1: 109—116.
- Гарковик А.В. 1967 Новая группа памятников Восточного Приморья (III—II тыс. до н.э.). *Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. ист.* Т. 7: 15—17.
- Гарковик А.В. 1993. Результаты раскопок на поселении Мустанг-1 в 1987 году. *Археологические исследования на Дальнем Востоке России*. Владивосток: ДВО РАН: 3—6.

- Гарковик А.В., Кононенко Н.А. 1996. Клад заготовок каменных орудий в бухте Евстафия в Приморье. *Каменный век тихоокеанских побережий*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та: 136—148.
- Гарковик А.В. 2003. Неолитический керамический комплекс многослойного памятника Рыбак-1 на юго-западном побережье Приморья. *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточ. археол. экспедиции РАН*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 94—101.
- Гарковик А.В. 2008. Боголюбовка-1 — памятник позднего неолита Приморья. *Окно в неведомый мир: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения академика Алексея Павловича Окладникова*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 131—139.
- Гельман Е.И., Исакова Т.В., Вострецов Ю.Е. 2003. Керамический комплекс неолитического поселения Зайсановка-7. *Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: (Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»*. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 128—135.
- Гельман Е.И., Вострецов Ю.Е. 2008. Орнамент керамики поселения Зайсановка-1. *Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт: Материалы междунар. археол. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та: 49—55.
- Деревянко А.П., Ким Бон-Гон, Медведев В.Е., Шин Чан Су, Ю Ын Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хо Хен-У. 2004. *Древние памятники Южного Приморья: Отчёт об исследовании поселения Булочка в 2003 г.* Сеул: Гос. исслед. ин-т культурного наследия Республики Корея.
- Дьяков В.И. 1989. *Приморье в эпоху бронзы*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Дьяков В.И. 1992. *Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья*. Владивосток: Дальнаука.
- Дьяков В.И., Дьякова О.В., Сидоренко Е.В. 2003. Комплекс эпохи палеометалла памятника Монастырка-3. *Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: (Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»*. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 141—147.
- Жушиховская И.С. 1998. Керамика поселения Бойсмана-1. *Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана*. Владивосток: ДВО РАН: 123—196.
- Клюев Н.А., Яншина О.В. 1997. Новые материалы по эпохе палеометалла Приморья. Поселение Глазковка-2. *Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН: 18—30.
- Клюев Н.А., Яншина О.В. 2002. Финальный неолит Приморья: новый взгляд на старую проблему. *Россия и АТР*. № 3: 67—78.
- Клюев Н.А., Яншина О.В. 2004. Культурно-исторические связи населения Приморья в эпоху позднего неолита (по материалам приханкайской группы памятников). *Четвёртые Гродековские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф.* Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова. Ч. 2: 198—202.
- Клюев Н.А., Гарковик А.В., Яншина О.В., Слепцов И.Ю. 2010. Финальный неолит Приморья: к итогам разработки некоторых проблем. *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям*. М.: Российская политическая энциклопедия: 88—97.



- Коломиец С.А., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. 2002. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность). *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. Владивосток: ДВО РАН: 90—102.
- Короткий А.М., Вострецов Ю.Е. 1998. Географическая среда и культурная динамика в среднем голоцене в заливе Петра Великого. *Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана*. Владивосток: ДВО РАН: 9—29.
- Крупянко А.А., Табарев А.В. 2004. *Древности Сихотэ-Алиня: Археология Кавалеровского района*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Крутых Е.Б., Коломиец С.А. 2010. Финальный неолит Приморья: состояние изученности, концепции, перспективы исследований. *Россия АТР*. № 3: 79—93.
- Крутых Е.Б. 2012. Зайсановская археологическая культура: проблема интерпретации. *Россия АТР*. № 1: 139—154.
- Ли Цзян. 1994. Предварительное изучение керамики с резным орнаментом из Восточной части Дунбэя. *Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая*. Новосибирск: Наука: 77—82.
- Морева О.Л., Попов А.Н., Фукуда М. 2002. Керамика с верёвочным орнаментом в неолите Приморья. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии*. Владивосток: ДВО РАН: 57—68.
- Морева О.Л. 2003. Относительная периодизация керамических комплексов бойсманской археологической культуры памятника Бойсмана-2. *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН: 172—175.
- Морева О.Л. 2005. *Керамика бойсманской культуры: (по материалам памятника Бойсмана-2): Автореф. дис. ... канд. ист. наук*. Владивосток.
- Морева О.Л., Батаршев С.В., Бродянский Д.Л. 2009. Неолитическая керамика с многослойного поселения Кировское (по материалам раскопок А.П. Окладникова). *Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей Востока Азии*. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова: 134—143.
- Морева О.Л., Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Малков С.С. 2009. Предварительные результаты изучения памятника Гвоздево-4 в южном Приморье. *От Монголии до Приморья и Сахалина*. Владивосток. Изд-во Дальневост. ун-та: 52—110.
- Морева О.Л., Ключев Н.А. 2011. Средненеолитические традиции в позднем неолите Приморья (к интерпретации гребенчатой керамики памятника Шекляево-7). *Дальний Восток России в древности и средневековье: Материалы регион. науч. конф. (Владивосток, 26—27 апр. 2010 г.)*. Владивосток: ООО «Рея»: 19—39.
- Мурзаев Э.М. 1955. *Северо-Восточный Китай. Физико-географическое описание*. М.: Изд-во АН СССР.
- Окладников А.П. 1964. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии. *Вопросы истории*. № 1: 44—57.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л. 1969. Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье. *Археологические открытия 1968 года*. М.: Наука: 208—209.
- Окладников А.П., Медведев В.Е. 1995. Неолит Южного Приморья: по материалам раскопок поселений. *Древние культуры Азии*. Сеул: Изд-во Хакён: 601—619.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. 1997. *Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного поселения Бойсмана-2)*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- Попов Н.А., Батаршев С.В. 2002. Археологические исследования в Хасанском районе Приморского края в 2000 году. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. Владивосток: ДВО РАН: 74—83.

- Попов А.Н. 2003. Неолит Приханкайской низменности: по результатам исследований в Центральном Приморье в 2000—2002 гг. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвящ. 95-летию со дня рождения А.П. Окладникова)*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 8: 183—185.
- Попов А.Н., Морева О.Л., Крутых Е.Б., Батаршев С.В. 2003. Новые исследования на памятнике Лузанова Сопка-2 в Юго-Западном Приморье в 2003 году. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвящ. 95-летию со дня рождения А.П. Окладникова)*. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Т. 8: 208—213.
- Яншина О.В. 2001. Поселение Лидовка-1 и проблемы его интерпретации. *VI Дальневост. конф. молодых историков*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та: 40—49.
- Яншина О.В. 2003. К проблеме неоднородности зайсановской археологической культуры Приморья. *Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий: (Материалы XI сессии археологов и антропологов Дальнего Востока): Третья Междунар. науч. конф. «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»*. Благовещенск: Изд-во БГПУ: 109—121.
- Яншина О.В., Ключев Н.А. 2005. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов. *Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы*. Владивосток: Дальнаука: 187—233.
- Аримицу К. 1962. *Керамика Кушимемон в Корее*. Киото. Яп. яз.
- Чжао Биньфу. 2003. *Археология каменного века Северо-Восточного Китая*. Чанчунь: Изд-во Цзилинского ун-та. Кит. яз.
- Чжао Биньфу. 2009. *Исследование археологических культур Северо-Восточного Китая времени от Восточного Ся до Чжаньго*. Пекин: Кэсюэ. Кит. яз.
- Cassidy J. 2007. Patterns of Subsistence Change During the Final Neolithic in Primiry Region of the Russian Far East as Revealed of Fatty Acid Residue Analysis. *Theory and Practice of Archaeological Residue Analysis*. Oxford: 125—137.
- Kanikita D., Popov A., Lazin B., Morizaki K., Matsuzaki H. 2017. Dating and Stable Isotope Analysis of Charred Residues from Neolithic Sites in Primorye, Russian Far East. *Radiocarbon*. Vol. 10: 1—9.
- Krounovka 1 Site in Primorye, Russia. Report of Excavation in 2002 and 2003. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia*. 2004. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd.
- Klerk 5 Site in Primorye, Russia. Preliminary Results of Excavation in 2005. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia*. 2007. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd.
- Report on the Archaeological Investigations in Primorye, Russia. Ustyinovka 8 Site*. 2005. Tokyo: Kokugakuin University. Vol. 2.
- Xingcheng at Xelong County: Excavation Report on the Neolithic and Bronze Site*. 2005. Beijing: Cultural relics publishing house. Кит. яз.
- Xu Yu-lin. 1955. The Houwa Site and Related Issues. *Archaeology of Northeast China*. London; New York: 65—88.
- Zaisanovka 7 Site, in Primorsky, Russia. Preliminary Result of Excavation in 2004. Study on the Environmental Change of Early Holocene and Prehistoric Subsistence System in Far East Asia*. 2004. Kumamoto: Shimoda Print Co.